

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЗНАНИЕ ОБОСНОВАННЫМ ИСТИННЫМ УБЕЖДЕНИЕМ?

© Э.А. Тайсина

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

Поступила в редакцию 10.10.2021

В окончательном варианте 28.03.2022

■ Для цитирования: Тайсина Э.А. Является ли знание обоснованным истинным убеждением? // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 1. С. 23–28. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.3>

Аннотация. Как установлено в текстах Стэнфордской философской энциклопедии, традиционный эпистемологический «трехсторонний» анализ знания («JTB» анализ) состоит из трех компонентов. Согласно ему, знание — это обоснованная, или доказанная, истинная вера/убеждение; эти три качества создают необходимые и достаточные условия для того, чтобы некое ментальное состояние называлось знанием.

Так, S знает, что p , если и только если: p истинно; S верит, что p ; S на основании доказательства справедливо полагает, что p .

Не подвергая это сомнению, подчеркнем: в энциклопедических статьях идет обсуждение «пропозиционального знания». Эпистемологический анализ, хотя и скрупулезный, не охватывает всех видов знания; более того, фактически не затрагивает родовое понятие знания. А именно оно поднимается над всеми тремя экспликандами «JTB», то есть знание как таковое не определяется посредством признаков «JTB», не будучи ни истинным, ни обоснованным в качестве истинного, ни даже синтезированным с доверием.

Ключевые слова: знание; истина; убеждение; вера; обоснование.

IS KNOWLEDGE A JUSTIFIED TRUE BELIEF?

© E.A. Taysina

Kazan State University of Power Engineering, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Original article submitted 10.10.2021

Revision submitted 28.03.2022

■ For citation: Taysina E.A. Is Knowledge a Justified True Belief? *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(1):23–28. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.3>

Abstract. As it is settled in the texts of The Stanford Encyclopedia of Philosophy, there are three components to the traditional epistemological “tripartite” analysis of knowledge (the “JTB” analysis). According to this, it is justified, true belief that makes the necessary and sufficient conditions for mental state to be called knowledge.

Thus S knows that p iff: p is true; S believes that p ; S is justified in believing that p .

Without questioning this, we emphasize: the encyclopedic articles treat upon “propositional knowledge”, and only about it. Epistemological analysis, although scrupulous, does not cover all types of knowledge; moreover, in fact it does not examine the generic concept of knowledge which rises above all three “JTB” explicands; that is, in general, knowledge as such is not determined by means of “JTB” features, being neither true, nor justified as true, not even synthesized with belief.

Keywords: knowledge; truth; belief; justification.

Известный в эпистемологии, по крайней мере со времени начала обсуждения кейсов Геттиера [1] о реальности видимых вдоль дороги амбаров или овец (Barn Façade-type cases) вопрос стоит так: возможно, это не настоящие здания и животные, а только варианты российских «потемкинских деревень»?), — традиционный «трехсторонний» (“tripartite”) анализ знания имеет столько же сторонников, сколько и противников. Автор данной статьи принадлежит к последним.

Обсуждаемый анализ имеет аббревиатуру JTB (justified true belief), от английских слов «обоснование», «истина», «убеждение/вера», которые полагаются дефинитивными признаками или, по крайней мере, экспликациями знания. Целью данной статьи является демонстрация того, что знание может быть и бывает необоснованным, неистинным и не связанным с доверием. Эти спецификации принадлежат лишь одному, хотя и важнейшему, виду знания, а именно, научному, или даже точнее, «пропозициональному». Например, если Сьюзен знает, что Алиса музыкант, следовательно, она знает пропозицию «Алиса есть музыкант», *S knows that p*. При этом, с точки зрения авторов статьи “The Analysis of Knowledge” («Анализ знания») в Стэнфордской философской энциклопедии, пропозициональное знание в формате эпистемологии следует отличать от «знакомства» (“acquaintance”), которое не является собственно знанием: например, Сьюзен «просто» знает Алису (очевидно, *S knows P*). Кстати говоря, в учебниках логики есть формула для последнего случая: xRy . И, заметим в скобках, лингвистически ‘acquaintance’ уже потому неподходящий термин для «знания», что ‘quaint’ означает «странный, загадочный»: вспомним Эдгара По с его «Вороном»: “...while I pondered... over many a *quaint* and curious volume of forgotten lore...” («Пока я склонялся над фолиантами странного и удивительного, забытого учения»). А термин ‘knowledge’ предполагает устойчиво положенное, следовательно, хорошо известное.

Авторы статьи «Анализ знания» Ichikawa и Steup указывают, что “JTB” анализ был впервые проговорен и осмыслен его противниками (“the JTB analysis was first articulated in the twentieth century by its attackers”) [3:1].

Аргументы, которые использовались за или против подобного определения знания, сами до сих пор нуждаются в оправданиях. Достаточно упомянуть, что известная американская эпистемолог Линда Загзебски предложила расширение формулы за счет «ответственного добавления» четвертого признака, или условия, для дефиниции знания: JTB + X. Другие авторы обсуждают варианты экспликации процедуры обоснования [5]. А к аргументам «против», кроме кейсов Геттиера, можно прибавить следующие.

1. Знание далеко не всегда является истинным. Следует согласиться с Ichikawa и Steup: истинность не требует, чтобы кто-либо мог ее знать или доказывать. Не все истины являются *установленными* истинами. Истина — понятие *метафизическое*, а не *эпистемологическое*; это вопрос о том, каковы вещи в своем существовании, а не о том, как они могут быть *показаны*. (“Something’s truth does not require that anyone can know or prove that it is true. Not all truths are *established* truths. Truth is a *metaphysical*, as opposed to *epistemological*, notion: truth is a matter of how things *are*, not how they can be *shown* to be”) [3:1.1]. Сомнительно, однако, что выходом явится указание на *путь к фактам*: “Knowledge is a kind of relationship with the truth — to

know something is to have a certain kind of access to a fact” [ibid.]. Это методологический, а не гносеологический подход.

Более того, дефиниция «знание есть то, что истинно» совершает логические ошибки определения неизвестного через неизвестное («семиотика это часть парагваники»), родового через видовое («зверь — это тигр»), да и просто противоречит очевидному: ложное знание (ложное учение, фальсифицированная история, добросовестные заблуждения, ошибки метода, хитрость врача или дипломата и т. д.) *существует*. А вот истина по-прежнему сама нуждается в философском анализе, несмотря на возрастающее количество теорий относительно ее сущности [2]. Несомненно одно: знание первично по отношению к истинности.

2. Знание далеко не всегда является обоснованным. Существует множество работ, изучающих проблему обоснования, и множество претендентов на роль наилучшего средства доказательства: принципы верификации/верифицируемости, фальсификации/фальсифицируемости; “*ex ante*” и “*ex post*” обоснования (“propositional justification” and “doxastic justification”); эвиденциализм, когерентизм, интернализм, экстернализм, релайабилитизм, респонсибилитизм... Однако факт, что большинство наших знаний воспринято, усвоено, воспроизводится *без* формальных доказательств по схеме тезис — система доводов — демонстрация; в лучшем случае, со ссылкой на авторитет. Что касается науки, не останавливаясь специально на теоремах Геделя о неполноте (основания теории средствами самой теории не эксплицируются), укажем для примера, что гипотеза, являясь одной из основных форм научного познания, не имеет обоснования, а если получает его, то превращается в другую основную форму научного познания, теорию.

3. Знание далеко не всегда нуждается в поддержке убеждения/веры и тем более не является ими. «Знаю, но не верю» встречается сплошь и рядом, в науке и в жизни, далекой от науки: вспомним хит Рэя Чарльза, где он несколько раз восклицает: What you say, you can't mean that (I don't believe you!) И это в ответ на прямолинейно-непреклонное Hit the road, and don't you come back no more! Или, например, Оленья Луна (она же Волчья, она же Луна Голодных Духов, в зависимости от народа, присваивающего названия), 24 июля 2021 г. находилась в доме Водолея, предсказывая удачу (видимо, преимущественно водолеям, но и не только) в делах строительства, перемены мест, в целом в любых новых начинаниях. В эту же ночь с Луной встречается Сатурн, что предсказывает также немало интересного. Я знаю об этом из упоминаний о коренных американцах, о жителях Южного полушария, о китайской культуре; однако я не верю в астрологические прогнозы относительно июльского полнолуния — одного из «четырёх главных» в году.

Сознание содержит не только знания, но и мнения, оценки, веру, убеждение, волю, интуицию и так далее, что тривиально. Очевидно, наилучшая научно-философская классификация стадий перехода от веры к знанию была приведена у Канта в “Der transzendentalen Methodenlehre zweites Hauptstück. Der Kanon der reinen Vernunft”.

Действуя по методу привлечения любимых в эпистемологии «кейсов», приведем следующие три:

3.1. Я знаю, слышу, читаю, но не верю, что коронавирус изобретен в ... (таком-то месте).

3.2. Я знаю (читала, слышала) много сториз о чудесах, совершенных древними или современными святыми, шаманами или магами; например, есть свидетельство ученицы Карлоса Кастанеды, что он прибегнул к самовозгоранию, дабы совпасть с эфирным миром. Знаю, но не верю.

3.3. Я вижу памятник на могиле сына, я знаю, но не верю, что его — то есть моего сына — больше нет. Не могу поверить. Не могу смириться. Никогда не поверю.

Последний «кейс», как ни жестоко и даже цинично, совпадает с одним из контр-примеров относительно ИТВ: человек смотрит на свой сгоревший дом и восклицает: «Я не могу в это поверить!» Однако если бы он действительно знал, но не верил, он не стал бы звонить в страховую компанию... От третьего признака знания требуется прямота (*straightforwardness*) и полнота (*fullness*). Чтобы *S* полностью поверил в то, что *p*, недостаточно иметь «довольно высокую степень доверия» к *p*; должно быть что-то близкое к приверженности или полной уверенности. Вот как об этом сказано в статье «Анализ знания»: “Suppose Walter comes home after work to find out that his house has burned down. He says: ‘I don’t believe it’ ... The standard response is that Walter’s avowal of disbelief is not literally true; what Walter wishes to convey ... is not that he really does not believe ..., but rather that he finds it hard to come to terms with what he sees. If he genuinely didn’t believe it, some of his subsequent actions, such as phoning his insurance company, would be rather mysterious”. [3:1.2]. Авторский перевод: «Предположим, Уолтер приходит домой после работы и обнаруживает, что его дом сгорел. Он говорит: “Я в это не верю” ... Стандартный ответ состоит в том, что Уолтер хочет передать... не то, что он действительно не верит..., а то, что ему трудно смириться с тем, что он видит. Если бы он искренне не верил в это, некоторые его последующие действия, такие как звонок в страховую компанию, были бы довольно мистическими».

Не только знание, но и убеждение/вера могут быть истинными, хотя и формально неправильно выраженными (“a belief might be true even though it is formed improperly”). [3:1.3]. Вместе с тем не только знание, но и убеждение/вера могут не быть истинными, хотя и формально быть правильно выраженными.

Когнитивные затруднения эпистемологии снимаются только в более широком контексте *гносеологии*. Термин этот, неизвестный в англо-саксонской научной литературе, имеет серьезную традицию, восходя к античной мысли, и, будучи глубоко проработанным в немецкой и русской философии, давно и прочно принят для обозначения общей теории познания.

Эпистемология — это теория *научного* познания; с гносеологией они различаются как вид и род. Такое использование терминов соответствует греческой и немецкой традиции. Эта ветвь изолировалась от общей гносеологии, пролагая свой собственный тальвег (линию самых глубоких точек, или «русло») и консолидировалась как наиболее рациональная, логичная, обозримая, жесткая и доказуемая дисциплина, сродни формальной логике, достигнув своего апогея в аналитической философии. Эта эпистемология, развивавшаяся в тандеме с самой наукой на протяжении четырехсот лет, а затем с философией науки и философией языка, наконец, продемонстрировала, что ее «пропозиционального знания» недостаточно: теория познания всегда будет нуждаться

в этических, биографических, исторических, политических, художественно-образных, религиозных темах, литературе, поэзии и даже здравом смысле обычного сознания, которых неопозитивистская теория науки была лишена. Не случайно поэтому появление так называемой эпистемологии добродетелей, *virtue epistemology*, восполняющей до известного уровня нехватку гуманитарной, калокагатийной составляющей теории знания [5]. Кроме того, именно в формате общей теории познания возможен опыт адекватного определения знания.

Уже приходилось много лет назад обращаться к этой теме, предложив нижеследующую дефиницию с использованием семиотического подхода; здесь приводится с небольшими уточнениями относительно первоначального определения (1997 г.).

Знание в общем можно охарактеризовать как *обнаружение и принятие* («имение», присвоение) *бытия* (бытия в целом, а не отдельных «фактов»), а в особенности, как *участие* человека в конкретном существовании объекта так, что он (объект) оказывается замещенным, — а точнее, он презентируется, *представлен* (*vorgestellt*), обо-значен идеальным образом (в обоих смыслах слова «образ» — как отображение и как способ отображения — и в обоих смыслах слова «идеальное» — как нематериальное и как наилучшее, совершенное). [6, с. 48].

Справедливости ради надо подчеркнуть, что в статье «Эпистемология» (“*Epistemology*”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*) указывается: по крайней мере некоторые философы считают, что родовое понятие знания *существует*, и в отношении него могут быть объяснены любые разновидности знания (“at least some philosophers have taken there to be a genus, awareness, of which the various kinds of knowledge are all species, and with respect to which these various kinds may all be explained (see Silva 2019 for a defense of ‘awareness first’ epistemology)”) [4:2]. Что же это за понятие? Авторы упоминают многозначный термин ‘awareness’ — нечто вроде интуитивной осведомленности о присутствии «чего-то» в поле внимания. Этот же термин приведен в статье авторитетного словаря Вэбстера, где познание определяется двояко: как awareness и judgment, способность рассуждения. С последним можно согласиться — уточнив, что данное различие наметили еще схоласты (Уильям Оккам). Awareness соответствует начальной ступени познания, свидетельствуя о собственно существовании (объекта); на высших стадиях абстрактного мышления от этой реальности отвлекаются в пользу пропозиционального суждения. Схоласты выдвигали больше двух значений термина «знание», однако это уже тема другой статьи.

Список литературы

1. Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? // *Analysis*. 1963. Vol. 23. P. 121–123.
2. Glanzberg M. Truth // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2021, Edition), Edward N. Zalta (ed.) URL = <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/truth/11.06.21>
3. Ichikawa, Jonathan Jenkins and Matthias Steup. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* // *The Analysis of Knowledge* (Summer 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.) URL = <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/knowledge-analysis/23.07.21>
4. Steup, Matthias and Ram Neta. *Epistemology* // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.) URL = <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/epistemology/25.07.21>

5. Каримов А.Р. Эпистемология добродетелей. – Москва, 2019. – 428 с.
6. Тайсина Э.А. К определению знания // Феномены природы и экология человека: Тез. междунар. симпозиума. – Казань, 1997. – С. 47–48.

References

1. Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis*. 1963;23:121–123.
2. Glanzberg M. Truth. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.) URL = <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/truth/06/11/21>.
3. Ichikawa, Jonathan Jenkins and Matthias Steup. The Analysis of Knowledge. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.) URL = <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/knowledge-analysis/07/23/21>.
4. Steup, Matthias and Ram Neta. Epistemology. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/epistemology/07/25/21>.
5. Karimov A.R. Epistemology of the virtues. Moscow, 2019. 428 p.
6. Taysina E.A. To the definition of knowledge. *Phenomena priroda i ekologiya cheloveka. Tez. intl. symposium*. Kazan, 1997. P. 47–48.

Информация об авторе

Эмилия Анваровна Тайсина, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет», Казань, Республика Татарстан, Россия. **E-mail:** Emily_Tajsin@inbox.ru

Information about the author

Emilia A. Taysina, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kazan State University of Power Engineering, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia. **E-mail:** Emily_Tajsin@inbox.ru